

УДК 316.62 – 053.6

ББК 60.524.258

М 69

А.П. Михайлов

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, тел. 8 909 471 10 05

А.А. Федосеева

Аспирант Российского университета дружбы народов, тел. 8 909 471 10 01

Социокультурные факторы в этиологии девиантного поведения молодежи

Аннотация: В статье исследуются основы культурно- правового подхода к проблемам отклоняющегося поведения молодежи, анализируется в качестве девиантогенного фактора криминальная субкультура, проблемы ее эскалации в современное молодежное сообщество.

Ключевые слова: Субкультура, рискогенность, социокультурные факторы, дезадаптация, ресоциализация.

A.P. Mikhailov

Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department at Adyge State University, ph.: 8 909 471 10 05

A.A. Fedoseeva

Post-graduate student of the Russian University of the People Friendship, ph.: 8 909 471 10 01

Sociocultural factors in an aetiology of youth's deviating behaviour

Abstract: The paper examines the bases of cultural - legal approach to problems related to youth's deviating behaviour. An analysis is made of the criminal subculture and problems of its escalation to modern youth community as the factor causing the deviating behaviour.

Keywords: subculture, risk genesis, sociocultural factors, disadaptation, re-socialization.

Исследование наиболее значимых и актуальных современных проблем российского общества, оказывающих принципиальное влияние на уровень стабильности его функционирования, позволяет с определенной уверенностью утверждать, что большинство данных проблем представляют собой сферу интегрированных междисциплинарных исследований. Одной из важных проблем этой сферы является тенденция криминализации молодежной среды и расширение в ней делинквентных практик. Данная проблема, безусловно, требует от современного российского общества всеобъемлющего комплексного культурно-правового подхода к построению институциональной модели профилактики молодежной девиации и делинквентности, разработка которой предполагает опору на сочетание макро- и микросоциального анализа.

Анализируя явление девиации поведения молодежи, раскрывая основные детерминирующие факторы, определяющие в действиях молодого человека асоциальные проявления, выражающиеся, в том числе, в отсутствии четко выраженной профессиональной ориентированности и стремлении к иждивенчеству, следует

предпринять попытку классифицировать данные факторы с точки зрения их рискогенности и степени сложности принятия превентивных мер.

Нам представляется целесообразным разделить комплекс исследуемых причин на две группы: 1) социокультурные, т.е. возникшие вследствие неэффективной организации деятельности общественных институтов по формированию культурных ценностей и ослабления механизмов контроля; 2) психолого-педагогические, обусловленные определенными отклонениями, формирующими деструктивное поведение и проблемами в воспитании, то есть личностными особенностями.

В свою очередь, первая группа причин классифицируется на следующие подвиды:

- 1) рост безработицы;
- 2) негативные процессы, происходящие при формировании современных семейных отношений;
- 3) отсутствие процессов культивирования интереса к определенным профессиям;
- 4) падение уровня образования;
- 5) рост потребительского отношения к жизни;
- 6) снижение уровня воспитательного воздействия со стороны государства;
- 7) правовой нигилизм;
- 8) бесконтрольность и неадекватность ранней профилактики в отношении лиц с отклоняющимся поведением в несовершеннолетнем возрасте.

Вторая группа причин социальной агрессивности молодежи включает:

- 1) рост корыстной идеологии;
- 2) хулиганская мотивация;
- 3) трансформация нравственно-этических ценностей;
- 4) катастрофическое снижение интеллектуального потенциала и уровня правосознания.

Еще одну социально опасную тенденцию выявили социологи. Результаты опроса студентов МГУ им. М.В. Ломоносова показали, что практически каждый третий из числа опрошенных считает для себя допустимым нарушение нравственных принципов, правовых и этических норм для достижения личных целей. Двое из трех студентов не допускают для себя такой возможности, правда, половина из них – с оговоркой «как правило». Из результатов данного исследования следует, что для достижения социально полезных целей доля готовых нарушить нравственные принципы возрастает фактически до половины опрошенных, соответственно уменьшается фактически до одной пятой число студентов, не изменяющих нравственным принципам ни при каких обстоятельствах.

Исследуя вторую группу причин (психолого-педагогических) следует отметить, что в процессе исследования психолого-поведенческих особенностей приходится свидетельствовать, что в последнее время все более в молодежной среде возрастает компонент тревоги и страха

Характеризуя процессы дезадаптации в подростковой среде, Н.Г. Гаранян отмечает, что тревожные расстройства отмечаются у 10% молодых людей и служат одной из важнейших причин социальной дезадаптации, алкоголизации, наркомании. В современной науке практически отсутствуют экспериментальные исследования личностных особенностей, предрасполагающих к указанным нарушениям или сопутствующих им. Положения социального психоанализа, согласно которым главной психологической силой, порождающей тревожность, являются вытесненные враждебные импульсы разного рода - конкурентность, потребность в доминировании и контроле, культ силы, холодность и равнодушие к людям. Указанные личностные особенности могут служить одним из механизмов сужения социальной сети и дефицита социальных навыков [2; с.140].

Ю.А. Менджеричкая — одним из факторов развития деструктивного поведения личности называет феномен не подтверждения. Не подтверждение - это особый вид взаимодействия, который осуществляется посредством определенной системы отношений

со стороны других людей (незаинтересованность, невнимание, отсутствие принятия, нежелание понимать, неодобрение, презрение и т.д.). Длительное существование человека в такой системе отношений приводит к невозможности удовлетворения базовых социальных потребностей и, следовательно, к депривации личностного роста, к изменению социально-психологических параметров взаимодействия и, в конечном итоге, к формированию деструктивного поведения. Результатом взаимосвязи между системой отношений по типу не подтверждения и деструктивным развитием личности является формирование у индивида системы отношений, направленной на разрушение, уничтожение личности другого [6; с.162].

Одним из наиболее серьезных факторов десоциализации личности в подростковом и юношеском возрасте О.Ю. Казьмина и И.А. Хахина называют социальную изоляцию, возникшую в результате нарушения коммуникативных связей и межличностных отношений (попадание в позицию отвергаемого в привычной группе) [4; с.158].

Исследование причин деструктивного поведения у представителей молодежи позволяет сформулировать следующие положения: девиантное поведение является следствием сложного и неоднозначного сочетания целого комплекса внешних и внутренних факторов. К внешним факторам относятся: неблагоприятные воздействия социальной среды (включая экономику, культуру, экологию). К внутренним - многочисленные характеристики, охватывающие самые разные стороны деятельности организма, от приспособления на уровне эндокринно-гуморальной системы, системы восприятия и переработки информации, эмоционально-аффективной системы - до высших человеческих образований: социальные контакты, мировоззрение, самооценка и др.

Таким образом, можно сделать следующий вывод:

- комплексное изучение социальных и психолого-педагогических детерминантов отклоняющегося поведения личности несовершеннолетних, является необходимым условием при построении эффективной модели государственного контроля за процессами подростковой девиантности, как явления, предшествующего криминализации молодежной среды.

Следует отметить, что еще одной из наиболее неблагоприятных тенденций является массовая алкоголизация подростков и молодежи. За десятилетие к 2010 г. число впервые выявленных подростков, больных алкоголизмом, увеличилось в 1,5 раза, контингент злоупотребляющих алкоголем возрос на 23,6% (данные НИИ наркологии Минздрава РФ). Девиантная среда обладает определенной притягательной силой для части молодых людей с заниженными социальными ожиданиями, отсутствием представления о собственном будущем и склонностью к ненормативному поведению. Обретение подростком в девиантной группе одновременно мнимой свободы, относительной самостоятельности и квазизащищенности вынуждает его смириться с господствующими в ней асоциальными традициями и принять сложившиеся в данной среде устои, включая, например, алкоголепотребление или потребление наркотиков. Данная тенденция свидетельствует о том, что существует и обратная связь девиантности, противоправности и пьянства. Как отмечали ученые еще в начале XX в.[1], не только алкоголь изначально способствует противоправной деятельности, но и девиантное поведение приводит к алкоголепотреблению.

Исследование и классификация данных социально-психологических и педагогических причин проведены с тем, чтобы подойти к важному, на наш взгляд, утверждению: строить процесс трансформации правосознания личности, формировать принципы социальной активности и правовоспитанности необходимо, опираясь именно на знание тех девиантогенных факторов, которые определили асоциальную направленность индивидуума.

Следует учитывать, что как бы ни был организован процесс социализации личности, его основная цель – способствовать усвоению определенных норм и принципов позитивного слоя обществ, определенным изменениям в сознании и поведении молодых

людей с уже имеющимся асоциальным мировоззрением и характером поведения. Учет индивидуальных особенностей личности, факторов и социальных условий, определивших девиацию поведения, во многом определяет как содержание, так и средства коррекционного воздействия, и в том числе правового воспитания.

В то же время, изучая процессы формирования социокультурных стереотипов молодежи и подростков в современной России, можно обратить внимание, что ее определенная часть подвержена определенному влиянию **системы** ценностей и признаков в социальном поведении, которые не подпадают под общепринятые в социуме критерии.

Первые признаки данной системы обнаруживаются в языке. Слова так называемого тюремно-лагерного жаргона, такие как «разборка», «предъява», «фраер», «лох» и т.д., становятся обыденными в обращении.

Следует отметить, что язык и общество вообще неразрывно связаны. Так, П. Миллер и Л. Хугстра пишут о том, что язык играет привилегированную роль в процессах языковой социализации из-за своей универсальности и силы. Чтобы быть компетентным носителем культуры, субъект должен уметь говорить так, как принято в его культуре.

Поскольку язык является непосредственным механизмом регуляции деятельности людей в различных сферах, то изучение речевого поведения современной молодежи и осмысление языковых предпочтений личности играет значительную роль при исследовании процессов социализации личности современного молодого человека.

При более тщательном изучении системы взаимоотношений в группе подростков с даже незначительной степенью девиации, также можно обнаружить определенные элементы, присущие отношениям в преступном мире: наличие кличек, общих денег, строгой иерархической лестницы в системе межличностных отношений, присутствие уголовного жаргона и прочие.

Данные факты вполне могут свидетельствовать о присутствии в обществе, и в молодежной среде в особенности, элементов некой субкультуры (воровского закона), т.е. системы идейных и нравственных ценностей, существующих в сообществе людей с асоциальным мировоззрением.

Следует отметить, что кроме маргинальных (фоновых) явлений, таких как жаргон, татуировки, наличие «общака» и т.д., и сама существующая система нравственных ценностей составляет идейное содержание данной субкультуры. В подтверждение настоящего утверждения можно привести мнение известного философа П.Сорокина, который определял ценности как основу и фундамент всякой культуры [8; с.95].

По мнению В. Олишкевича и И. Александрова, исследовавших идейное содержание криминальной культуры, воровской закон - это не закон в полном смысле слова. Это совокупность нравственных принципов. В этом смысле воровской закон противостоит праву. Он, вероятно, и возникает как оппозиция праву, возникает в тех условиях, когда право формализуется и вступает в противоречие с нравственными принципами [1; с.18].

Создателем и носителем криминальной субкультуры является преступный мир, и она, в свою очередь, является тем социальным инструментом, при помощи которого к этому преступному обществу приобщаются новые участники. Именно через элементы криминальной субкультуры, такие как жесткая стратификация, «прописка» в коллективе, вложение денег в «общак», участие в «стрелках» и «разборках», знание жаргона, происходит первое знакомство подростка с правилами преступного мира.

Следует отметить, что для привлекательности в настоящей субкультуре присутствует определенная система ложных ценностей, т.е. такие элементы, которые в отдельно взятой оценке кажутся вполне соответствующими общественной морали. Так, при так называемой «прописке» в коллективе новичок должен продемонстрировать ряд достойных качеств – таких, как смелость, решительность, смекалка и т.д. Но вот условия, в которых эти качества должны демонстрироваться, и последствия могут носить асоциальный характер. Настоящая система ложных ценностей и способствует приобщению подростка с

асоциальными отклонениями в поведении к группам с вполне определенной преступной направленностью.

Бесспорно, что преступный мир и общество не существуют отдельно друг от друга. Преступники являются частью общества, порождены обществом, и проблему преступности не следует изучать в отрыве от других социальных проблем. Поэтому и жизнь общества в целом необходимо изучать, помня о преступности.

Характеризуя преступный мир как явление социальное, необходимо, на наш взгляд, подробно исследовать криминальную субкультуру, ее внешние и внутренние признаки: моральные ценности, нормы, атрибуты и законы. Это определено необходимостью более глубокого понимания внутренней сущности преступного мира, т.к. преступный мир как организованная система предусматривает наличие уголовных атрибутов и ценностей, призванных трансформировать сознание людей, вовлеченных в криминальную среду [7; с.156].

Рассматривая в настоящем контексте социальную проблему преступности в подростковой среде, необходимо, как нам кажется, особо отметить, что для изучения обуславливающих факторов ознакомление с криминальной субкультурой является тем более обязательным. Ведь именно со знакомства с ее атрибутами, нормами и правилами для многих подростков начинается процесс, который приводит к преступлению черты закона. Даже незначительные, на первый взгляд, проявления, такие как присвоение кличек, наведение наколок, уже являются первым знакомством с субкультурой преступного мира. Исходя из этого, важно понять, что как для организации профилактической работы, так и для исправления уже сформировавшихся личностей с преступными наклонностями крайне необходимо глубокое изучение и понимание сущности криминальных традиций и законов, знание и умение их классифицировать в аспекте их общественной опасности. Тем более, что в местах лишения свободы субкультура является основным идейным стержнем в системе межличностных отношений среди воспитанников.

Очевидно, что криминальная субкультура существует не только в местах лишения свободы. В более или менее ярко выраженных формах она присутствует во многих неформальных группах молодежи. Но в то же время необходимо отметить, что в исправительно-воспитательных учреждениях криминальная субкультура наиболее рельефно выражена. Здесь в полном объеме существует система стратификации, которая является центральной структурой в модели межличностных отношений в криминальной среде, и безоговорочно действуют «неписанные «зоновские» законы». Именно здесь наиболее полно воссоздана та микромодель образца отношений, которые принято называть преступным миром.

Давая общую характеристику субкультуре, существующей в местах лишения свободы для несовершеннолетних, попытаемся, во-первых, дать ей определение. На наш взгляд, оно может выглядеть следующим образом: криминальная субкультура – это система идейных и нравственных ценностей, существующих в сообществе людей с асоциальной направленностью.

Известны и другие определения данного явления. Например, это образ жизнедеятельности несовершеннолетних и молодежи, объединившихся в криминальные группы [7; с.167]. Но, как нам кажется, данное определение не совсем верно. Так, в лексическом плане, слово культура означает совокупность материальных и духовных ценностей, созданных обществом и характеризующих уровень его развития. К тому же данная субкультура свойственна не только криминальным (то есть уголовным) группам (клички, татуировки как элементы криминальной субкультуры). Все это присуще и группам молодежи, не совершающей уголовно наказуемые преступления, а лишь имеющей признаки рискогенности поведения. На наш взгляд, появление элементов, описываемой нами субкультуры в подростковом коллективе не характеризует его уголовную направленность, а лишь предшествует ее зарождению, является

своеобразным синдромом, трансформирующим правосознание и сигнализирующим о появлении в данной среде опасного социального вируса.

Дав определение данному социальному явлению, мы попытаемся выделить важнейшие характеристики криминальной субкультуры.

Скрытность. В поведении несовершеннолетних большинство существующих криминальных традиций (нанесение татуировок, проведение всевозможных «разборок»), как правило, тщательно маскируется. Эти «мероприятия» обычно проводятся в отдаленных местах и тщательно скрываются.

Вторым важнейшим признаком настоящей субкультуры является **обязательность выполнения всех ее законов и норм.** Осуществляющийся контроль за их соблюдением сопровождается жестким гласным наказанием нарушителей, культивированием дисциплины и обязательности в данной среде.

Третьей важнейшей характеристикой субкультуры преступного мира является **системность ее построения** (формирование определенной системы в масштабах региона, страны). Доказательством этому служат существующая система связи между воспитанниками колоний, специальных училищ, спецшкол (т.е. коллективов, где присутствует асоциальная направленность), так называемые «трассы» или «дороги», по которым идет обмен информацией, «духовными» ценностями». По «каналам» большинство воспитанников закрытых заведений ведет переписку со своими сверстниками, культивируя, таким образом, духовные и нравственные процессы, происходящие в местах лишения свободы, в обществе. Следует отметить, что идет и «движение лиц» (миграция), а не только писем. Освобождающиеся из колоний, учебных заведений закрытого типа подростки приносят в подростковую среду нормы, традиции и ценности криминализованной социокультурной модели взаимоотношений. Таким образом, налицо существование системы, определяемой как раз наличием криминальной субкультуры.

Криминальная субкультура, в свою очередь, имея агрессивный, тоталитарный характер, становится связующим звеном первичной и рецидивной преступности, социально-психологическим механизмом ее эскалации.

Итак, важнейшими, на наш взгляд, общими признаками криминальной субкультуры являются:

- скрытность большинства ее элементов;
- обязательность выполнения всех ее законов и норм;
- упорядоченность и систематизация.

Наконец, последним и обязательным признаком субкультуры, не нуждающимся, как нам кажется, в отдельной расшифровке, является ее асоциальная идейная направленность.

Частные признаки, свидетельствующие о наличии криминальной субкультуры в том или ином коллективе, по нашему мнению, достаточно точно охарактеризовал известный ученый в области пенитенциарной психологии В.П. Пирожков:

- жесткая иерархическая лестница;
- наличие группировок (зачастую враждующих);
- факты групповых нарушений дисциплины;
- наличие кличек у членов групп;
- присутствие азартных игр;
- присутствие уголовного жаргона;
- факты вымогательства: денег, вещей у более слабых;
- распространение татуировок уголовного толка;
- непризнание определенных видов деятельности (уборка туалетов, урн и т.п.).

Для девиантных коллективов присущи и такие, более грубые проявления субкультуры, как:

- психологическое и физическое насилие над представителями низшей касты (обиженными, форшманутыми и т.д.);
- факты полового извращения;
- наличие общих денег (общака) [7; с.134].

Особо значимую роль в социуме несовершеннолетних осужденных в колониях имеют криминальные традиции и ритуалы. Традиции, как известно, возникают на основе тех форм деятельности, которые неоднократно подтвердили свою социальную или групповую (коллективную) значимость и личностную пользу. Традиции обеспечивают преемственность и устойчивость отношений в группе, способствуют их упорядоченности. Если говорить о традициях в молодежной среде, то, как нам кажется, она наиболее им привержена. Это обусловлено тем, что традиции, как правило, эмоционально насыщены и обставлены игровыми элементами, определенными правилами, церемониалом. Они не персонифицированы, и поэтому подростки и юноши легче подчиняются им, чем прямым установкам, исходящим от конкретных лиц.

В связи с этим определенную опасность представляют криминальные традиции, распространенные в молодежных преступных группах, особенно в местах лишения свободы.

К всеобщим традициям относится знаково-опознавательная система, т.е. необходимость знания лагерно-блатного жаргона, ношение кличек, нанесение татуировок в соответствии со статусом. На наш взгляд, представляет интерес языковая традиция – тюремно-лагерно-блатной жаргон. По мнению известного ученого-лингвиста Д.С. Лихачева, «своим появлением жаргон исторически обязан именно тюрьме и является ее речевым портретом. На сегодняшний день активная лексика криминальной субкультуры насчитывает более одиннадцати тысяч лексических единиц. Необходимо также отметить, что настоящий жаргон не просто кем-то выдуманная лексика. Это целая система языковых форм» [5; с.167].

Данная языковая часть криминальной субкультуры делится на несколько разделов. Словарь лагерно-тюремно-блатного жаргона содержит слова, которые при произношении будут понятны только узкому кругу лиц. Однако они имеют абсолютно реальное лексическое значение. Например, слово «*бажить*» обозначает «желать, хотеть», «*базлы*» – «болтовня», «*лисак*» – «ночной квартирный вор». Но есть и такие слова, которые в привычном нам русском языке имеют одно лексическое значение, а в тюремно-лагерно-блатном жаргоне они обозначают абсолютно другое. Например, слово «*светофор*» имеет следующие значения: осведомитель; человек, стоящий на страже во время совершения преступления; воровская группа, совершающая преступления одним и тем же способом. Всем понятное слово «*собачка*» на тюремном жаргоне обозначает слово «подросток».

Исследователи-лингвисты вывели «характерные» синонимические ряды тюремно-лагерно-блатного жаргона. Так, слово «*кража*» имеет несколько синонимических форм: бишнет, бомбежка, голодуха, дело, денник, абота, заем, карманка, коол, лежка, подсадка, работа на землячку и т.д.; «*наводка*» – близей, навод, наколка, натырка, резец и т.д.

Помимо устной речи жаргон активно используется при письме. Существует два «жанра» – собственно письмо и записка. Приведем отрывок одного из писем.

Привет, братуха!

Извини, что долго не чиркал. Сам волокешь, дальняк по четвертой ходке на Печеру к комикам, по новой – за рупь сорок четыре моя кровная. Кича лакшювая. все брушат, вантажса нет и хвостом не бьют.

Смысл данного отрывка в следующем:

Извини, что долго не писал. Сам понимаешь: четвертая судимость по моей родной статье 144 Уголовного кодекса. Отбываю на Печоре, Республика Коми. Колония плохая. Все вкальвают. Поблажек никому нет. Никто не пытается сачковать, увиливать от работы.

Записки, или так называемые «малевы», как правило, состоят из одной-двух фраз и содержат какую-то важную информацию:

«Девочки, в камере наседка». (Девочки, в нашей камере находится осведомительница.)

«Фортач-Гоха запел». (Вор-форточник Гоха дал показания правоохранительным органам.)

«Дубарь заначен в худуке». (Труп спрятан в колодце.)

В исследуемом жаргоне имеется очень много пословиц, поговорок, прибауток воровского толка:

Бог не фраер, он все видит.

Я раб судьбы, но не лакей закона.

Хоть и не плотник, а стучать охотник (о стукачах).

Если считать жаргон речевым портретом зоны, то его графическим портретом можно назвать татуировки. В среде подростков и молодых правонарушителей татуировки выполняют многообразные социальные и социально-психологические функции. Они являются знаками общения людей между собой. В своем содержании и расположении на различных частях тела они отражают особенности личности юноши-правонарушителя, преломленной в групповом сознании криминальных сообществ. Татуировки бывают нескольких видов:

– Отдельные буквы, слова, аббревиатуры. Буквы могут обозначать инициалы носителя. Или, к примеру, буквы АТ означают, что их владелец с кем-то побратался, находясь в исправительно-воспитательном учреждении. У «побратима» на том же месте должны быть нанесены буквы БР. Вместе эти буквы составляют слово **БРАТ**. Могут встретиться и другие варианты: **кент**, **братан** и др.

– Текстовые блатные татуировки (аббревиатуры). Данные аббревиатуры очень часто используются в среде осужденных. При этом несколько выколотых букв при расшифровке несут определенный смысл. Например, **БАРС** расшифровывается: **«Бей активистов, режь стукачей»**, **ЕВРОПА** – если вор работает, он падший арестант, **ВУЗ** – везучий узник зоны, **ЗЛО** – за все легавым отомщу.

– Тексты. Замечено, что многие несовершеннолетние любят наносить на тело различные тексты sentimentalного, юмористического и иного характера. Чаще всего им придается смысл афоризмов. Приведем наиболее типичные примеры текстовых татуировок: **«Нет в жизни счастья»**, **«Они устали жить под конвоем»** (эта татуировка наносится на ноги), **«Как много сделано ошибок»**, **«Не забуду мать родную»** и т.д. [5; с.211].

– Рисунки. Разнообразны и рисунки, которые осужденные подростки наносят на тело. В них чаще всего используют изображения животных (льва, тигра, барса, рыси, кота и др.), птиц (орла, голубя, чайки и т.д.), пресмыкающихся (змеи, обвивающей руку, ногу, тело, людей или части тела), символов уголовного мира (карты, атрибуты алкоголя, пистолеты, кинжалы, разорванные кандалы и т.д.), явлений природы, религиозных элементов, тюремной символики и т.п.

– Символы. Их несовершеннолетние правонарушители, как правило, наносят на тело. Это могут быть крестики, обозначающие «ходку», перстень – «прошел малолетку», скрипичный ключ – «веселая жизнь», пять точек – «тюрьма» и др. Символы – это условные знаки, имеющие определенный смысл, непонятные непосвященным.

Однако проводимые на практике исследования традиций и норм уголовной среды позволили сделать заслуживающий, на наш взгляд, внимания вывод: условия содержания, местные особенности региона и индивидуальные характеристики коллектива накладывают определенный отпечаток на те или иные элементы криминальной культуры. То есть, нельзя сказать, что ее классические формы в одинаковом виде присутствуют во всех без исключения закрытых учреждениях для несовершеннолетних.

Так, к примеру, в Майкопской воспитательной колонии, Майкопском специальном профессиональном училище № 1 при определении роли того или иного воспитанника в системе межличностных отношений немаловажную роль имела принадлежность к какой-либо национальности или региону. На протяжении нескольких лет занимавшие главенствующее положение в иерархии системы в колонии лица любой национальности старались «передавать власть» только своим соплеменникам. Аналогичные ситуации наблюдались в колонии для несовершеннолетних г. Грозного, в других учреждениях, расположенных в национальных регионах. Даже говоря о жаргоне, можно наблюдать существенные различия при его употреблении. Например, аббревиатура **ЗЛО** в Майкопской колонии была расшифрована воспитанниками как *завет любимого отца*, а в Белореченской колонии для несовершеннолетних – *за все легавым отомщу*. Или, например, часто употребляемая в Майкопской воспитательной колонии, на базе которой мы проводили свое исследование, фраза *разбить рамс* не встретилась нам в самом полном на сегодняшний день словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона. Хотя в речевом обиходе воспитанников она довольно распространена и имеет вполне четкий смысл, а именно – разобраться с кем-либо за совершенный проступок. Другой, видоизмененный вариант – *упасть на рамсы* – означает: испугаться, начать искать оправдания.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно утверждать, что криминальная субкультура не является жесткой, ограниченной системой, присущей абсолютно всем ее носителям. Она допускает и наличие «эндемиков», определенные отклонения от обобщенных форм в зависимости от условий региона и личностных особенностей ее носителей.

Продолжая характеризовать такие традиционные криминальные проявления, как «прописка» новичков, церемонии и методы «опускания», ношение кличек, нанесение татуировок, владение жаргоном и др., необходимо признать, что они бесспорно тоталитарны, жестоки и бесчеловечны и, бесспорно, вредны для становления юной личности.

Проанализировав вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы:

1. Криминальная субкультура является совокупностью ценностных ориентаций сообщества людей с трансформированным правосознанием и преобладающими признаками девиации поведения.

2. Криминальная субкультура является тем социальным инструментом, посредством которого происходит эскалация в общество мировоззренческих установок криминального толка.

3. Изучение и классификация всех существующих традиций и норм криминальной субкультуры по степени их социальной опасности является обязательной при построении общей системы исправления и перевоспитания несовершеннолетних с девиантным поведением.

Носителями и проводниками элементов криминальной субкультуры, безусловно, являются лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы, где эта субкультура наиболее рельефно выражена. Жить не по традиционной модели межличностных отношений, при нежелании администрации оказывать на них влияние невозможно. Поэтому подросток в колонии не только не исправляется, но степень криминализации его личности только усиливается. Освобождаясь из колонии, он уже сам становится носителем идей криминального сообщества, сам может выступать в роли лидера группы сверстников, приобщая уже их к законам преступного мира.

Следует отметить, что пенитенциарные учреждения со сложной, традиционно-репрессивной системой изоляции личности во многом обуславливают ее трансформацию. По мнению М.Фуко, тюрьма не может не производить делинквентов. Она делает это посредством самого образа жизни, который навязывают заключенным... создают противоестественную, бесполезную и опасную жизнь [9; с.112].

Институциональная система пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних, в которой не организованы процессы социальной реабилитации, ресоциализации личности несовершеннолетних, не только не эффективна, но и вредоносна. Она лишь способствует усилению криминализации личности подростка, тем самым увеличивая в обществе концентрацию носителей идей криминальной субкультуры и усиливая процессы девиации.

В качестве подтверждения вышеизложенного, можно привести данные пенитенциарной статистики, которая утверждает, что чем в более раннем возрасте человек попадает в места лишения свободы, тем больше вероятность его дальнейшей криминализации. Среди осужденных, содержащихся в тюрьмах, колониях особого режима, до 90 % лиц имели первую судимость в подростковом возрасте. В настоящее время доля несовершеннолетних среди осужденных, особенно в возрасте 14-16 лет имеет постоянную тенденцию к увеличению.

Примечания:

1. Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. М.: Права человека, 2000.
2. Гараян Н.Г. Враждебность в структуре личности с тревожными расстройствами. М., 1996.
3. Дейчман Э.И. Алкоголизм и дети. М., 1930.
4. Казьмина А.Ю., Хахина И.А. Роль социального опыта в проблеме школьной дезадаптации. М., 1996.
5. Словарь тюремно-лагерного блатного жаргона / Д.С. Лихачев и др. – М.: Края Москвы, 1992. 397 с.
6. Менджерцкая Ю.А. Феномен неподтвержденности как фактор развития деструктивного поведения. М., 1996.
7. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). М., 1992. 212 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

References:

1. Actual problems of execution of criminal punishments concerning minors. M.: Human rights. 2000.
2. Garanyan N.G. Animosities in structure of the personality with disturbing frustration. M., 1996.
3. Deichman E.I. Alcoholism and children. M., 1930.
4. Kazmina A.Yu., Khahina I.A. A role of social experience in a problem related to school disadaptation. M., 1996.
5. The Dictionary of a Prison Criminal Slang / D.S. Likhachev etc. – M.: Edges of Moscow, 1992. – 397 p.
6. Mendzheritskaya Yu.A. A phenomenon of nonconfirmation as the factor of development of destructive behaviour. M., 1996.
7. Pirozhkov V.F. The laws of youth underworld (criminal subculture) – M., 1992. – 212 p.
8. Sorokin P.A. The person. A civilization. A society. M., 1992.
9. Foucault M. To supervise and to punish. A prison birth. M., 1999.